

Проблемы имплементации международных правовых норм о коррупции в национальное законодательство РФ

Сиволова Анна Алексеевна

Студент

Смоленский гуманитарный университет, юридический факультет, г. Смоленск, Россия

E-mail: wild-ko@rambler.ru

В условиях современной тотальной глобализации среди наиболее опасных для здорового развития общества явлений на первый план выходит коррупция. Этот недуг поразил практически все сферы жизнедеятельности общества. В связи с этим проблема противостояния коррупции во всем мире была и остается одной из наиболее актуальных и сложных как в науке, так и на практике. Не составила исключения и Россия, которая по уровню коррупции занимает одно из первых мест в мире.

Новым витком в противостоянии коррупции для нашей страны явилась ратификация Государственной думой РФ Конвенции ООН против коррупции 2003 года. Безусловно, это прогрессивный шаг со стороны России в области совершенствования национального права. Однако не следует упускать из виду немаловажный момент имплементации ратифицированных норм. Сейчас, спустя почти год со дня ратификации упомянутой Конвенции считаем, что целесообразным было бы провести некоторый анализ соответствия правовых норм России, в частности Уголовного Кодекса РФ, и основных положений указанных выше актов.

В первую очередь следует обратить внимание на то, что, ратифицируя Конвенцию ООН против коррупции, Россия подтвердила свою юрисдикцию в отношении определенного круга правонарушений, закрепленных в статье 15, пункте 1 статьи 16, статьях 17 - 19, 21 и 22, пункте 1 статьи 23, статьях 24, 25 и 27 Конвенции, в случаях, предусмотренных пунктами 1 и 3 статьи 42 Конвенции. Имплементация этих норм в российское законодательство предполагает соответствие не только смыслу статьи, но и букве закона. И как раз это потребует пересмотра ряда положений. В частности, из определения подкупа в статье 15 Конвенции ООН вытекает вывод о том, что предметом взятки являются блага как материального, так и нематериального характера. По законодательству России последние, не смотря на то, что служат «двигателем прогресса» служебных отношений, а чиновничество порой получает от таких услуг еще более весомые выгоды и доходы, нежели чем в случаях материальных вознаграждений, не являются предметом взятки и соответственно не могут стать основанием для наступления уголовной ответственности (Кушниренко, 2007, С.107). Введение аналогичной нормы позволило бы контролировать подобную деятельность должностных лиц.

Говоря о Конвенции, следует отметить приоритетные направления противодействия коррупции, которые остались за пределами указанного нормативного акта о ратификации, но, не смотря на это, могли бы повысить эффективность борьбы с этим пороком в случае их имплементации в законодательство нашей страны.

Во-первых, в настоящее время в отечественном законодательстве фигурирует более узкое определение субъекта коррупционного преступления, нежели понятие, предусмотренное статьей 2 Конвенции ООН против коррупции, которая предлагает рассматривать в качестве субъекта данных преступлений как «любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе Государства-участника на постоянной или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица; и любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем

законодательстве Государства—участника...; любое другое лицо, определяемое в качестве "публичного должностного лица" во внутреннем законодательстве Государства—участника». Таким образом, Конвенция дает широкое определение публичного должностного лица, в частности, включающее служащих государственных предприятий, в целом документ содержит отсылку к национальному законодательству. Примечание к статье 285 УК РФ охватывает лиц, не относящихся к числу должностных. Но даже в результате этого они не могут нести уголовную ответственность по ряду статей о коррупционных преступлениях (ст. 285, 286, 287, 289, 290 УК РФ и др.). Таким образом, предлагается расширить трактовку должностного лица в примечании к ст. 285 УК РФ и тем самым обеспечить не только соответствие норм национального права ратифицированным международным документам, но и увеличить количество преступных деяний, за совершение которых обозначенные лица будут нести ответственность.

Во-вторых, статьи 15 и 21 Конвенции ООН содержат в себе предложения криминализовать обещание дать взятку. Думается, что данная мера в условиях современности является необходимой, потому как само по себе обещание вознаградить лицо за оказанную помощь не только провоцирует коррумпированность в должностных кругах, но и косвенно нарушает принцип равенства граждан перед законом, закрепленный в ст. 19 Конституции РФ и в ст. 4 УК РФ. В частности предлагается следующая модель статьи 291 (1) «Обещание незаконного вознаграждения либо взятки»:

Ч.1 Обещание или предложение предоставления должностному лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества ...

Ч.2 То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой наказывается...

И, в-третьих, примечательно то, что одним из приоритетных направлений борьбы с коррупцией, признаваемым на международном уровне, является установление уголовной ответственности юридических лиц. Данная норма в УК РФ пока не включена, не смотря на то, что она рекомендована к включению в национальное законодательство ст. 26 Конвенции. Законодатель проигнорировал данную норму, руководствуясь вероятно тем, что ответственность юридических лиц за коррупционные преступления предусмотрена Гражданским кодексом РФ (статья 1068 и 1069 ГК РФ). Однако все более частые факты участия юридических лиц в правонарушениях коррупционной направленности, причем не только внутри страны, но и на международном уровне заставляют задуматься над этой проблемой.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что имплементация норм международного права, в частности некоторых положений Конвенции ООН против коррупции 2003 года, в национальное законодательство нашей страны позволит заполнить пробелы в последнем и послужит новым толчком к нормализации нестабильного «фронта борьбы» с коррупционной преступностью в России.

Литература:

1. Камынин И. (2004) Конвенция ООН против коррупции: новые контуры международного сотрудничества // Российская юстиция. № 4. С. 14-16.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций «Против коррупции»(2004) // Российская юстиция. № 4. С. 17-40.
3. Кушниренко С. (2006) Об имплементации в национальное законодательство России международных норм, направленных на усиление борьбы с коррупцией // Уголовное право. № 6. С. 106-110.
4. Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции » // Российская газета. 2006. 21 марта.
5. <http://www.mvd.ru/>. (Министерство внутренних дел)